

СИГИЗМУНД
КРЖИЖАНОВСКИЙ

Штрихадунатан катогорни рассуока

Сигизмунд Доминикович Кржижановский

Мухослон

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178393
Тринадцатая категория рассудка: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-18798-7*

Аннотация

«Прозеванным гением» назвал Сигизмунда Кржижановского Георгий Шенгели. «С сегодняшним днем я не в ладах, но меня любит вечность», – говорил о себе сам писатель. Он не увидел ни одной своей книги, первая книга вышла через тридцать девять лет после его смерти. Сейчас его называют «русским Борхесом», «русским Кафкой», переводят на европейские языки, издают, изучают и, самое главное, увлеченно читают. Новеллы Кржижановского – ярчайший образец интеллектуальной прозы, они изящны, как шахматные этюды, но в каждой из них ощущается пульс времени и намечаются пути к вечным загадкам бытия.

Содержание

I	4
II	5
III	6
IV	8

Сигизмунд Кржижановский

Мухослон

I

Над мухой простерлась длань и прозвучало: «Да будет слон». Не успела секундная стрелка дернуться раз-другой по циферблату, как и... свершилось: мушиные пяточки уперлись в землю слоновьими ступнями, а завитый внутрь коротенький черный нитевидный хоботок раскрутился огромным серым хоботом. И все же в чуде этом была какая-то неделанность, дилетантизм, какое-то досадное «не то»: очки психолога, сунь он их под толстую кожу новослоненного существа, сразу бы заметили, что малая мушья душа никакого «да будет» не расслышала, что чудо, коснувшись кожи, до мушьеи души не дошло.

В итоге: слон с душой мухи – Мухослон.

II

Насекомые вообще привычны к так называемым превращениям. Но в данном случае, оглядевшись в своем новом стопудовом теле, муха испытала некую жуть и растерянность. Так, вероятно, чувствовал себя тот, сказкой придуманный бедняк, что, уснув в своей тесной камерке, проснулся – по воле феи – в просторных покоях богатого, но пустынного дворца. Побродив по новому телу, устав до смерти, напоследок заблудившись, терзаемая сонмом вопросов, душа мухи порешила так:

«Оханьем поля не перейти. Что ж – живут и слоны. По-лучше нашего мушиного брата. Ну и я... Чем я не слон, черт возьми...»

Началось.

III

Оглядев своими добрыми слоновыми глазами окрестность, насекомое примечает: стоит ветхая избушка-поскрипушка в одно привычно поблескивающее оконце.

«Ползну-ка разок по стеклу».

Ползнула. Краю окно вдребезги, избушка в щепы.

Мухослон только ушами шевельнул: что за притча.

О ту пору была весна. Хорошая фея ходила, каблучками травы к земле не пригибая, нежными пальцами знай себе расправляла лепестки у бутонов: оттого и расцветали цветы. Клейкие листья берез зеленели что было сил.

«Какая приятная березка», – подумал сентиментальный Мухослон и весело взмахнул лапами: тоненькое деревцо качнулось, застонало и, пошептав о чем-то медленно бледнеющими листьями, скончалось.

Став на четыре круто врывшихся в песок лапы, Мухослон стал думать тяжкую думу; слезы, в каждой из которых он мог бы утонуть, не стрясись с ним нескладное чудо, заскользили по опущенному к земле хоботу.

«Не то – не то – не то», – стучало перепуганное сердце. И, отвечая сердцу, в весенней воздушной сини затрепетали опутанные золотыми солнечными нитями крохотные перепончатые крылышки той, которую Мухослон, еще до постигшего его чуда, страстно и нежно любил.

И сразу весна стала весеннее; и сразу солнце засияло в два солнца, а хобот, просохнув от слез, потянулся к крылышкам подруги. Не только хобот, весь Мухослон, ища прежних ласк, душою и телом прильнул к возлюбленной. Миг счастья... и, содрогаясь, с круглыми от ужаса глазами, жалкий и страшный, стоял Мухослон над маленькой черной кляксой, всматриваясь в пару влипших в кляксу крылышек. Крылышки дернулись – раз, другой, – и стали неподвижны. Чей-то страшный рев загрохотал в ушах ослоненного существа. Душа существа заметалась по гигантскому телу, точно пробуя прорвать толстую серую кожу:

«Довольно. Назад, к себе, в старую темную мушиную щель».

IV

Что дальше? Дальше неинтересно. Обыскав всю землю, перетрусив планету, пылинка за пылинкой, Мухослон отыскал наконец свою полузанесенную песком привычную узкую и извилистую щель: ветхий мушиный домик.

Полез внутрь: не тут-то было. Зовет щель, зовет извилистым тонким голоском, а в себя не пускает.

Так и стоит по сию пору трагический Мухослон над своей старой уютной щелью. И нет ему пути: ни в прямь просторов, ни в извивы щели.